

Родной язык – душа и учитель народа

Native language is the soul and teacher of the people

Заварзина Л.Э.

Канд. пед. наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет
e-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

Zavarzina L.E.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Voronezh State Pedagogical University
e-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

Аннотация

Составной частью процесса глобализации является навязывание ценностей западной цивилизации другим нациям и народностям, которые, утрачивая собственное своеобразие, свою индивидуальность, свой колорит, перестают быть «личностями человечества». Противостоять этому процессу может пристальное внимание к родному языку, который не только является средством общения, но и отражает дух народа, формирует его мировоззрение, хранит культурно-историческую информацию, словом, «ведет за собой человека» (М. Хайдеггер). Об этом неоднократно писали лингвисты (В. фон Гумбольдт, Ф.И. Буслаев), философы (М. Хайдеггер, А.Ф. Лосев), писатели и педагоги. Педагогический аспект этой проблемы в настоящее время является чрезвычайно актуальным.

Ключевые слова: глобализация, родной язык, язык как дух народа, языковая картина мира, В.Г. Белинский, В. фон Гумбольдт, Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский, И.С. Тургенев.

Abstract

An integral part of the process of globalization is the imposition of the values of "Western civilization" on other nations and nationalities, which hardly not cease to be "personalities of humanity", losing their own identity, their individuality, their flavor. This process can be countered by close attention to the native language, which is not only a means of communication, but also reflects the spirit of the people, forms their worldview, stores cultural and historical information, in a word, "leads a person" (M. Heidegger). Linguists have repeatedly written about this (V. von Humboldt, F.I. Buslaev), philosophers (M. Heidegger, A.F. Losev), writers and teachers. The pedagogical aspect of this problem is currently extremely relevant.

Keywords. Globalization, native language, language as the spirit of the people, linguistic picture of the world, V.G. Belinsky, V. von Humboldt, F.I. Buslaev, K.D. Ushinsky, I.S. Turgenev.

Современные политологи, в частности А.Г. Дугин, определяют глобализацию как «осуществляющийся в реальности процесс навязывания всем странам и государствам мира западного экономического, политического, культурного, технологического и информационного кода» [4: 255]. Глобализация – порождение западных государств, прежде всего США, политика которых направлена на укрепление их господства, это своего рода форма нового колониализма. Позиция глобалистов сводится к следующему: «национальные государства, служащие фасадом традиционному обществу (такие, как Китай, Россия, Иран и т.д.), они призывают демонтировать, а национальные государства с прозападными режимами, – Южная Корея, Грузия, страны Восточной Европы, – напротив, укрепить» [5: 461]. Народы и государства, теряющие самостоятельность и независимость, встраиваются в глобальную мировую систему, становясь либо её безликой частью, либо делаясь отверженными. Западная цивилизация навязывает свои ценности, свой язык, а значит – свое видение мира. Нации, народности, таким образом, утрачивают собственное своеобразие, свою индивидуальность, свой колорит,

перестают быть «личностями человечества», как называл народности В.Г. Белинский. А ведь без национальностей человечество может стать «мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения», – писал великий русский критик [1: 29]. Чтобы человечество не превратилось в мертвый абстракт, каждой нации в целом и каждому индивиду в отдельности необходимо, прежде всего, обратить пристальное внимание на родной язык. Особый интерес к слову должен проявлять педагог, ведь слово, речь – его главный инструмент. Педагог должен серьезно овладеть культурой языка: обогащать словарный запас, воспитать привычку работать над словом, знать не только его прямое, но и переносное значения, сравнивать современное значение лексемы с исторической семантикой, понимать, на чем основана коннотация, чем обусловлено развитие полисемии и разных видов синонимии. Но главное – необходимо любить родной язык и беречь его.

Немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт (1767–1835), изучая самые различные по строю языки, убедился в том, что ничто иное не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их языки. Язык, считал Гумбольдт, – это живая деятельность человеческого духа, единая энергия народа, исходящая из глубин человеческого существа и пронизывающая собой все его бытие. Называя язык «интеллектуальным инстинктом», Гумбольдт тем самым подчеркивал уникальность языка как антропологического феномена и акцентировал, с одной стороны, неосознанную форму его существования, а с другой – его интеллектуальную активность, заключающуюся в фундаментальном «акте превращения мира в мысли» [3: 314].

Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта интересна решением вопросов, связанных с понятиями *народ* и *язык*. Немецкий ученый считал нацию «духовной формой человечества, имеющей языковую определенность» (не отрицая при этом и другие факторы). Деление человечества на языки совпадает с делением его на народы, следовательно, между языком и народом или, точнее, духом народа, существует необходимая связь: «Языки и духовная сила развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей, – писал немецкий мыслитель. – Хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, в действительности такого разделения не существует» [3: 68].

По мнению Гумбольдта, введенное Вольтером и Гердером понятие *дух народа*, «трудно постичь в чистом виде: без языкового выражения «дух народа» – неясная величина, знание которой следует извлечь опять-таки из самого языка, язык же толкуется не только как средство для постижения «духа народа», но и как фактор его созидания» [8: 10].

Круг замкнулся: дух народа как «высший принцип», обуславливая различие и специфику языков, со своей стороны сам нуждается в объяснении через язык. Предвидя недоумение читателей, Гумбольдт разъяснял: «Не будет заколдованного круга, если языки считать продуктом силы народного духа и в то же время пытаться познать дух народа посредством строения самих языков: поскольку каждая специфическая (духовная, – Г. Р.) сила развивается посредством языка и только с опорой на него, то она не может иметь иной конституции, кроме как языковой» [Цит. по: 8:11].

В. фон Гумбольдт обратился к новому важному понятию – *языковое сознание народа*, включив в его содержание и органическую целостность языка, и принцип «важнейших различий» языков. «Разные языки, подчеркивал Гумбольдт, это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Цит. по: 8: 9]. Языки не представляют собой прямого отражения мира. В каждом естественном языке осуществляются акты интерпретации мира человеком. Слово – это отпечаток не предмета самого по себе, а его чувственного образа, созданного этим предметом в народном духе в результате языкотворческого процесса. Оно эквивалентно не самому предмету, даже чувственно воспринимаемому, а его пониманию в акте языкового созидания, всякий народ формирует для говорящего на нем народа языковую картину мира. «Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей... Человек преимущественно... живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык изнутри себя, он влетает

себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка», писал В. фон Гумбольдт [3: 80].

Идея «языкового мировидения» плодотворна именно для понимания механизма общения: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [3: 165]. В таком толковании процесса общения подчеркивается социальный характер языка «и выдвигается совершенно своеобразный, одному лишь человеку свойственный вид языкового общения, в котором необходимость согласованности (как основы для речевого процесса) и индивидуальная свобода не исключают, а, наоборот, подразумевают друг друга» [8: 14].

Философско-лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта стала известна российским филологам еще в первой половине XIX в. Не без ее влияния написан прекрасный труд Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1841), в котором автор, в частности, утверждал, что «слова ... составляются вследствие частного воззрения того или другого народа на предмет: стало быть, в составление их входят и нравы, и обычаи, и религиозные поверья, и вся природа отчизны» [2: 382]. В подтверждение того, что у каждого народа свой взгляд на окружающую действительность, он привел, в частности, такой интересный пример: «Так, *жито* по-нем. *Getreide* (двн.*gitrakidi*) ‘означает выносимая из земли’ (*gitrakidi*), по-лат. *frumentum* значит и ‘плод’ (*fruges, fructus*) и ‘пользование им’ (*frios*); по-слав. *збожие* или *сбожие* (богатство), *обилие* употребляется вместо *житы*. Один и тот же предмет одарен различными свойствами, и каждый язык называет его по одному какому-либо свойству» [2: 125].

К.Д. Ушинский статью «Родное слово» (1861) начал с вопроса, не потерявшего актуальности и в настоящее время: оценили ли люди значение родного языка в своей духовной жизни? К сожалению, до справедливой и заслуженной оценки родного языка ещё очень и очень далеко.

К.Д. Ушинский страстным, эмоциональным, образным словом разяснял читателям, в первую очередь, конечно, родителям и педагогам, значение родного языка в процессе воспитания подрастающих поколений, определял его роль в становлении и развитии вступающей в жизнь юной личности. Это произведение великого педагога – своеобразный гимн родному языку, демонстрация его лингвофилософских, лингвопсихологических и лингвопедагогических функций. К.Д. Ушинский подчеркивал взаимосвязь народа и языка: народ – создатель языка, язык – учитель, наставник народа, хранитель его истории, быта, традиций. Однако, «находя в языке много глубокого философского ума, истинно-поэтического чувства, изящного, поразительно верного вкуса, следы труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости к тончайшим переливам в явлениях природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высоких духовных порывов и зачатки идей, до которых с трудом добирается потом великий поэт и глубокомысленный философ...», мы, к сожалению, недооцениваем этот источник духовной жизни, связывающий каждого отдельного человека с великим народным организмом [10: 555].

Нельзя с пренебрежением относиться к народу, считать его серой, невежественной, грубой массой, полагать, что его духовные силы ограничены. Чудная народная песнь вдохновляла и вдохновляет и поэта, и художника, и музыканта; в народе «слышится меткое, глубокое слово, в которое, с помощью науки и сильно развитой мысли вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных ... времен» [Там же].

Задача педагогов – донести до воспитанника ценность родного слова, показать его красоту, объяснить, что язык – это дар, к которому надо относиться бережно и с любовью. Школьник должен проникнуть в глубь языка, уловить его дух, почувствовать прелесть каждого

слова, научиться владеть богатой, точной и выразительной речью. Воспитанники должны узнать, что в языке отражаются особенности народа, его психология, сохраняется его история. В словах, в грамматических формах, строе предложения запечатлевается свой образ душа народа. Познавая язык – познаем себя, свой народ. Ребенок, сам того не ведая, становится человеком благодаря языку.

Лексика русского языка настолько разнообразна, что позволяет передавать любые чувства, описывать явления природы, облекать в словесную ткань размышления ученого. Язык народа – это цвет его духовной жизни. «В языке, – писал К.Д. Ушинский, – одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа» [10: 557].

Язык – хранитель истории народа, его быта, традиций, верований, изменений в материальной и духовной сферах. Каждое поколение в сокровищницу родного слова передает плоды своих исторических событий, своих достижений. «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнет народный язык, – народа нет более!» – справедливо подчеркивал К.Д. Ушинский [Там же].

Народ многое утраченное может восстановить, создать заново, но он никогда более не возродит язык: «вымер язык в устах народа – вымер и народ».

В языке, словно в подробной и достоверной летописи, запечатлена многовековая духовная жизнь народа, что позволяет ему быть величайшим народным наставником. Язык учил народ в глубокой древности, еще тогда, когда не было ни книг, ни школ, учит и в современную эпоху, когда нет недостатка в образовательных учреждениях.

Ребенок, учась языку, «пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова», поэтому он вступает в жизнь с необъятными силами. Родное слово «объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель, оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ», утверждал К.Д. Ушинский [10: 558].

В усвоении языка участвует не только память. Родной язык развивает в ребенке дух, творческую силу народа, создавшего язык. Изучая язык, ребенок познает мир вокруг себя, формирует, говоря современным языком, собственную картину мира. Он ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, понимает, осмысливает, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нем, фантазирует. С одной стороны – все эти действия осуществляются через язык, а с другой – познанный действительность также оформляется определенным знаковым образом, т.е. посредством слова. «Усваивая родной язык, писал К.Д. Ушинский, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка, – и усваивает легко и скоро, в два-три года» [10: 560].

Хрестоматийным примером того, что в языке отражается характер народа, его ментальность, является наблюдение А.Н. Сиротинина (1864–1922), русского филолога, писателя, переводчика. Формулы прощания трех различных народов: греков, римлян и славян – показывают особенности их мировосприятия. «Выросший под ярко-голубым небом Аттики с тонкими и изящными линиями ее красивого пейзажа, веселый и жизнерадостный грек, для

которого жизнь была прежде всего наслаждением, прощаясь говорил: «радуйся»; трезвый и практичный римлянин, сочинивший пословицу *mens sana in corpore sano* – здоровая душа в здоровом теле, говорил *vale* – «будь здоров»; славянин, чьи взоры были направлены к высшей цели, к высшим идеалам божественной правды, расставаясь, просит прощения – «прощай», «прости», – и как ярко уже в одном этом различном выборе слов, употребляемых при одном и том же случае, сказалась разница в миросозерцании различных народов».

К.Д. Ушинский неоднократно подчеркивал, что именно родной язык является для ребенка лучшим толкователем окружающей его природы и жизни. Что же произойдет, если ребенок будет усваивать чужой (иностраный) язык с первого года своей жизни, а значит, и чужую ему жизнь и природу, которые его не окружают? Ребенок труднее, тупее, менее глубоко будет входить в понимание природы и жизни, следовательно, будет развиваться медленнее и слабее.

Органическую связь человека с его родным языком отмечали многие мыслители, писатели, ученые-филологи. Так, И.С. Тургенев, подолгу живший за границей, может быть, в большей степени, чем человек, не покидавший родных пределов, понимал непреходящее значение родного языка в духовном развитии личности, чувствовал его консолидирующую силу. Прекрасное знание многих западноевропейских языков позволило ему по достоинству оценить богатство, величие, мощь русского языка, ощутить его потенциальные возможности, позволяющие облечь в словесную ткань и глубокие философские размышления, и разнообразные состояния человека и природы, и описать конкретные предметы. Интересно в этом отношении мнение писателя П. Мериме, отмечавшего, что «переводить с русского на французский не так легко. Русский язык создан для поэзии, он необычайно богат и, в особенности, замечателен по тонкости выражаемых им оттенков. Вы представляете себе, что может извлечь из подобного языка искусный писатель, отдающийся наблюдению и анализу, и какие непреодолимые трудности готовит он для переводчика» [6: 722].

И.С. Тургенев чувствовал органическую связь судеб русского народа с его языком. Так, в письме к Е.Е. Ламберт (12 декабря 1859) он писал о русском языке: «... для выражения многих и лучших мыслей – он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть... Значит, будут и в народе».

Свои размышления о русском языке, копившиеся на протяжении всей жизни, И.С. Тургенев выразил в лаконичных, отточенных предложениях-афоризмах стихотворения в прозе «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу». Писатель экспрессивно и демократически оформил свои мысли о родном языке, которые вынашивал в течение всей жизни.

М.М. Стасюлевич, издатель журнала «Вестник Европы», так писал филологу и историку А.Н. Пыпину об этом стихотворении И.С. Тургенева, которое он назвал «думой» писателя: «Величиной она ровно в пять строк, но это золотые строки, в которых сказано более, чем в ином трактате: с такую любовью мог бы Паганини отозваться о своей скрипке» [9: 516].

Оценка, данная М.М. Стасюлевичем этому стихотворению в прозе, на наш взгляд, несколько односторонняя: издатель обратил внимание на язык лишь как на инструмент, сравнивая его со скрипкой – инструментом виртуоза-музыканта Паганини. Для Тургенева русский (родной) язык не столько инструмент, которым он владел превосходно, сколько духовное богатство русского народа, который все еще переживает социальные и политические потрясения. Однако автор горячо верил в светлое будущее своей родины. Стихотворение, начинаясь сомнениями и тягостными раздумьями о судьбах родины, оканчивается неколебимой верой писателя в русский народ, который он назвал великим.

В настоящее время перед педагогами стоит задача – воспитать духовную личность, внутреннее содержание которой определяется знанием истории Отечества, фольклора, русской классической литературы, национальных традиций, культуры в целом. Такая личность знает и любит родной язык, ценит его, понимает, что «слово – могучий двигатель мысли и жизни.

Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь» [7: 627]. С этим утверждением философа А.Ф. Лосева невозможно не согласиться. В наше сложное, трудное, противоречивое время мы должны знать, «что ныне лежит на весах И что совершается ныне» (А. Ахматова). Главное в таких обстоятельствах – сохранить русский язык, русскую речь, «Великое русское слово». Необходимо также выполнить завет поэта: пронести свободным и чистым русское слово, спасти его от плена и передать внукам. Это очень важно, поскольку «языком нация держится и живет» (П.М. Бицилли).

Литература

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года. Взгляд на русскую литературу 1847 года. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. – 184 с.
2. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. Учеб. пособие для пед. институтов. М.: Просвещение, 1992. – 511 с.
3. *фон Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общая ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. – 397 с.
4. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новейшей истории. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.
5. *Дугин А.Г.* Геополитика: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Социология». М.: Гаудеамус: Академ. проект, 2011. – 582 с.
6. Литературное наследство. 1931-1977. – М.: Журнально-газетное объединение, 1937. – Т.31-32. – 1028 с.
7. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. – 958 с.
8. *Рамишвили Г.В.* Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В.фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общая ред. Г.В.Рамишвили. – М.: Прогресс, 2000. – С. 5-33.
9. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 12 т. 1978-1986. – М.: Наука, 1982. – Т.10. – 607 с.
10. *Ушинский К.Д.* Родное слово // Собр. соч.: В 11 т. – М.-Л.: АПН РСФСР, 1948. – Т. 2. – С. 554-574.